

Носсон Генс (1885-1972)

Как мы бежали от фашистов.

Нас было в городе Печоры (Петсери) пять евреев: врачи

Макс Кломпус,

Григорий Гордон,

Носсон Генс,

аптекарь Зали Генс

и служащий Смидов.

22-го июня стало известно, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Об этом мне сообщила утром по телефону моя сестра из Тарту (Люба, погибшая от рук фашистов в Тарту). Жены Кломпуса, Гордона и Зали Генса эвакуировались в Ульяновск уже в начале июля. Нас председатель Петсерского Исполкома обещал предупредить, когда мы сможем двинуться в тыл. 7-го июля утром мы узнали, что исполком, во главе с председателем, покинули Петсери и уехали в неизвестном нам направлении.

Уже с 5-го июля в городе была слышна канонада; говорили, что немцы приближаются к городу. Мы начали нервничать. Остаться в городе стало крайне опасно. Председатель Исполкома оставил нам приказ двигаться в город Выру, т.е., как мы узнали потом, полезть в пасть к фашистам.

Макс был предусмотрителен. Он предвидел помехи, которые могут возникнуть в день нашего отъезда. 5-го июля он нанял крестьянина с подводой, и велел ему ждать во дворе, где жили Макс с Гриней, и ждать указаний. Уже с 6-го июля никакого транспорта не было: поезда не шли с 5-го, автобусов не было, не было и машин.

6-го вечером мы собрались у Макса. Было решено, что из-за угрожающего положения (канонада все усиливалась и это нас, конечно, очень волновало) мы должны быть готовы двинуться в путь каждую минуту. Я и Зали решили заночевать у Макса. [...] Наш план был двинуться пешком до западного берега Чудского озера, на лодке переправиться на восточный берег и дойти до станции, где бы мы могли сесть на поезд. Мы боялись вдаваться в подробности – получим ли лодку (а логика подсказывала, что в военное время

лодки на берегу быть не может), вместит ли она пятерых с десятью чемоданами, сколько времени возьмет переезд через озеро. А ведь немцы уже бомбили Псков, озеро было им видно, как на ладони. Но повторяю: мы боялись вдаваться в подробности, так как логика была против нас. Мы знали одно – надо двигаться. Куда? На юге немцы, на западе и на севере они окажутся завтра, значит остается восток. Там безграничный Советский Союз, там тыл, там в Ульяновске жены. Вышло так, что нашим вожаком оказался Макс (и мы в нем не разочаровались), а его адъютантом – Гриня, благо он имел велосипед (Носсона), был адъютантом Макса и ездил на разведку.

Утром мы позавтракали, нагрузили повозку багажом, и двинулись в путь. Автор этих строк не может себе простить одну оплошность: у него дома под кроватью лежала бутылка настоящего французского шампанского, полученная от одной знакомой, когда она приехала из Парижа. Да мало ли что мы в этот момент забыли! Сегодня, 27 лет после этих трагических событий, легко шутить¹.

Тут кому-то из нас пришла в голову блестящая мысль – зайти в Исполком и обеспечить себя справкой, что такие-то врачи и провизор направляются в тыл, и просим оказать им помощь в продвижении вглубь Советского Союза. Поставили штамп, санитарка расписалась. Все это было написано на официальном бланке, так что справка выглядела очень внушительно.

Утром наше настроение было отчаянным. Канонада, слышная теперь уже совсем близко, трепала наши нервы. Но по мере удаления от Петсери наше настроение стало улучшаться, шум канонады тоже начал стихать. Макс был в авангарде, Гриня на велосипеде был в разведках, а я и Зали шли в арьергарде. [...].

Не помню как долго мы шли, но в тот же день достигли западного берега Чудского озера и попали в какое-то село. На берегу стояли три баржи: первая, как потом оказалось, была снабжена мотором. Мы узнали, что в первую баржу грузили товар магазина. На нашу просьбу взять нас с собой мы получили согласие хозяина. Судьба нам благоприятствовала. Во вторую баржу погрузили свиней. Потом настала и наша очередь. Мы осмотрели берег озера, но не увидели там никакой лодки.

Свисток, и наш «флот» двинулся в путь. Мы приободрились, пошли шутки, погода была хорошая. Начали закусывать. Достигнув

¹ Написано в 1968 году.

восточного берега озера, мы ясно почувствовали влияние приближающегося фронта. Население покидало насиженные места, угоняло скот поглубже в тыл.

Максу все же удалось получить в колхозе подводу. Мы нагрузили ее своим багажом и двинулись на север к Гдову и Луге. Мы держались вблизи железной дороги в надежде где-нибудь попасть на поезд, но везде получали один ответ –последний поезд прошел вчера. По дороге мы повстречали много отставших солдат. Около одного села мы увидели грузовик с боеприпасами и рядом лежащего убитого красноармейца. Дальше нам пришлось идти лесом, где почва была сплошь песчаная. Лошадь еле двигалась. Тут на помощь пришел Гриня. Он оказался прекрасным и опытным возницей. Под его понукание, окрики и благодаря длинному пруту, лошадь кое-как двигалась вперед. День выдался жаркий, душный. Осы немилосердно кусали усталую лошадь, и в нашу обязанность входило отгонять их длинными прутьями. Выйдя из леса, мы попали в какое-то село, где наткнулись на передвижной медицинский отряд. Начальник отряда любезно согласился подвезти нас на некоторое расстояние (мы конечно сообщили, что нас здесь трое врачей и один аптекарь). Мы с чемоданами взобрались на грузовик. Когда подъехали к станции Красные Струги, начальник отряда приказал нам слезать, так-ка дальше отряд отправляется на фронт.

День клонился к вечеру. Город Красные Струги был оставлен жителями. Кое-где был пожар. Теперь у нас уже не было никакого транспорта для багажа. По словам одиноко оставшихся людей, они ожидают немцев с часу на час. Как поступить? Мы облюбовали какой-то дом и пока что начали в нем устраиваться, втащили весь свой багаж. Планов у нас не было никаких. Как можно двинуться дальше с таким большим багажом? Где-то раздобыли горячий суп, нагрузили себя вафлями из одного покинутого магазина. Между тем наступил вечер. Пожары в городе все усиливались. Кое-где появились мародеры. Мы стали готовиться к ночлегу. А если немцы придут? Мы им скажем, что мы врачи и оказываем населению медицинскую помощь (!), тем более, что около нашего дома стоял автобус с красным крестом. Наивно? Конечно. Но повторяю – нашим планам все время не хватало логики. Нам просто благоприятствовала судьба. Теперь, ретроспективно, ясно, что немцы увидя нас сказали бы приблизительно так: “Ausgezeichnet! Also, Erzte? Bitte schön, herren Doktoren, folgen Sie mir.”² Нас

² Великолепно! Господа врачи? Пожалуйста, господа врачи, следуйте за мной.

поставили бы вдоль стены, а дальнейшее ясно. Но нам, повторяю, благоприятствовала судьба.

Я начал устраиваться на ночь. Макс сидел у стола, опираясь локтями о стол, уткнувши лицо в ладони, и все повторял: „Ich bin erschöpft“³. Гриня был где-то на разведке, но уже без велосипеда, который он забыл в какой-то деревне. Вдруг прибегает Зали и сообщает, что около нашего дома бродят какие-то подозрительные типы с разбойничьими мордами. Макс встрепнулся. Как? Удирать от фашистов и погибнуть от бандитов! Макс ожил. Он опять оказался инициативным и нашим вождем. Друзья, отсюда мы должны уходить. Пойдем дальше пешком. К черту вещи и багаж! К этому времени весь город уже горел, так что все равно пришлось бы уходить. Макс скомандовал: побриться! При свете горящего города мы встали в ряд и побрились. Затем последовала команда: каждый берет свой портфель и марш вперед! Смидов хотел взять еще свой маленький чемодан. Сейчас же бросьте! Это было сказано таким тоном, что Смидов беспрекословно повиновался, но кое-что все же переложил в свой портфель. Аванс'е! Макс разрешил лишь мне взять мой вещевой мешок, так как там находились наши съестные запасы и мешок с сахаром. И пошли с портфелями в руках. В 1940 году было национализировано наше недвижимое имущество, а теперь нам пришлось бросить жалкие остатки: в Петсери то, что нельзя было взять с собой, а теперь добротные костюмы и хорошее белье. Но настроение было бодрое, обнадеживающее. Как добросовестный хозяин, Макс перед уходом забил досками дверь нашего кратковременного пристанища.

Итак, в приподнятом настроении, не успели мы пересечь железнодорожные пути и пройти несколько сот шагов, как наткнулись на тыловой военный патруль, который остановил нас и спросил кто мы и что тут делаем. Макс давал объяснения. Начальник патруля попросил нас залезть на грузовик, и вывез нас на широкое шоссе. Мы его горячо благодарили. Кто его знает, что было бы с нами без оказанной помощи.

Это был уже фронт. Была ночь. Мы почувствовали, что нас ведет ангел-хранитель. Попав на шоссе, мы бодро зашагали вперед по направлению к Гдову (на север). Пройдя, вероятно, не больше километра мы нагнали какого-то парня с подводой. Так как парень шел в том же направлении, мы пошли рядом. Он позволил нам

³ Я выдохся.

положить переполненные портфели и пальто на подводу. И шли... Ночами где-то отдыхали, у каких-то жителей доставали хлеб. По дороге встречали отстающих солдат, брошенное оружие. Картины довольно грустные. Медицинский отряд, повстречавшийся по дороге, согласился довезти нас до Луги. Но начальник отказался взять с собой нашего товарища по несчастью Смидова, так как он не относится к медицинскому персоналу. И тут мы совершили недружелюбный, нетоварищеский поступок. Мы могли назвать его нашим санитаром. До сих пор не понимаю, почему мы этого не сделали. Меня это мучило, но не долго. События разворачивались такие, что не давали времени предаваться каким-то чувствам и мимолетным переживаниям. (Как выяснилось после войны, Смидов, после больших мытарств, все-таки спасся. Я его встретил в 14-го декабря 1967 года, он женился и давно простил нашу оплошность).

Наконец мы добрались до Луги. Город встретил нас очень неприветливо: откуда-то раздавались одиночные выстрелы, над мостом в воздухе реяли германские стервятники. На одной из улиц в центре города мы облюбовали недостроенный дом; канализация и водоснабжение в нем оказались в полном порядке. В этой «квази-гостинице», которую мы назвали «Пале-Рояль», мы начали приводить себя в порядок, умылись, причесались, и пошли искать где бы пообедать.

Наш ближайший план был попасть в Ленинград, Москву и оттуда в Ульяновск. Пошли на вокзал. На вокзале ни души, кассы закрыты. Макс пошел к начальнику станции. Тот накинулся на него, но Макс не такой человек, чтобы струсить. Макс тоже в повышенном тоне стал ему возражать, и показал ему нашу путевку, в которой было черным по белому сказано, чтобы «власти оказали помощь врачам, направляющимся в тыл». Это оказало свое благоприятное воздействие – мы получили билеты на проезд в Ленинград. Опять, значит, повезло.

Рано утром приехали в Ленинград. Ну а дальше как быть? Все кассы закрыты, никаких очередей не видать. Наш «фюрер» опять к начальнику станции. Повторилась та же сцена, что в Луге. Начальник станции был очень недружелюбен, но Макс быстро вошел в свою роль и сыграл ее на «Ять». Наша путевка снова оказала свое волшебное действие, и, вскоре, мы получили «лимиты» на суточное пребывание в лучшей гостинице «Москва». Но только на одни сутки, через сутки мы должны были убраться из Ленинграда. Как? Это наше дело. Спаибо и на том.

Гостиница «Москва» действительно оказалась первоклассной. В канцелярии нам заявили, что наутро мы должны будем покинуть номер. Мы решили, что до утра еще много времени, а там увидим. Если не наш «ангел-хранитель», то Макс найдет какой-нибудь выход. А пока что, мы привели себя в приличный вид, приняли теплый душ, причесались, выправили наши галстуки, и пошли в «дайнингрум» завтракать. Завтракали мы как американские туристы, а не как «шлеперы», отдыхали душой и телом. До обеда мы шлялись по городу. Затем обедали, заказали самые дорогие и вкусные блюда. После обеда разлеглись по кроватям и сладко выпались. Опять шлялись по городу; на каждом углу пили вкусные соки, которые были не дорогими. В городе шла своя шумная, оживленная жизнь. Как мы провели вечер – не помню. Выспались мы на славу, не думая о завтрашнем дне. Утром встали бодрые, отдохнувшие. [...] С портфелями в руках, мы зашли в столовую и плотно позавтракали, имея в виду, что неизвестно где и как мы будем обедать. Что теперь предпринять? Едва ли поезд на Ульяновск только нас и ждет! Макс не любил долго раздумывать. Посмотрим что делается на Московском вокзале. А Московский вокзал оказался оцепленным кордоном солдат. Макс окинул полководческим взглядом поле действия и решение было принято «Следуйте за мной! На окрик солдат не оборачиваться». Между солдатами было достаточное расстояние, чтобы пройти в одиночку. И мы прошли. Макс правильно решил, что нас, с портфелями в руках, в добротных, летних пальто, примут за какую-нибудь комиссию ответственных работников и беспрепятственно пропустят. Только один солдат успел сказать «Постойте». Дверь на вокзал оказалась не запертой. На вокзале ни души. Все кассы гнетуще закрыты. Но зато перед дебаркадером стоит поезд, очевидно, готовый к отъезду. Сквозь окна вагонов видны пассажиры. Каждый вагон снабжен номером.

Мы поняли, что решение должно быть принято немедленно, иначе наше появление привлечет нежелательное внимание. Да Макс и не привык долго раздумывать. «Авансе! В вагон номер 7. Смело вперед!». А смелости у нас было больше, чем багажа. Конечно, вагон был переполнен до отказа. Да мы и не пытались лезть в купе. Тем более, что нас ждали в коридоре откидные скамьи. Расселись в позе победителей. И поехали. В пути никакого контроля не было. Очевидно, эвакуировалось какое-то министерство. На больших станциях мы, вместе со всеми, бегали в буфет подкрепиться. Как будто все ладно. Именно «как будто». Мы были поражены, когда на станции Бологое к нам подошел милиционер, и, в очень вежливой

форме, предложил проследовать за ним. Мы без лишних слов приняли приглашение, похожее скорее на приказ. Макс, конечно, к начальнику станции, который вежливо объяснил нам, что поезд идет в Москву и имеется приказ туда никого не пропускать. Вам надо в Ульяновск? Скоро пойдет поезд на Рыбинск, в Рыбинске сядете на пароход, который доставит вас в Ульяновск. Идите в кассу, там получите четыре билета.

Рыбинск оказался глубоким тылом, там текла спокойная мирная жизнь. В самом радушном настроении мы сели на пароход.

[....]